

Пролог

*Горы Аль-Пако, вблизи военного лагеря Владыки
Созерго Кргана Варрава Рандага II*

— Кажется, то что надо. Как считаешь?
Холодный ветер трепал плащи всадников, норовя сорвать их с широких плеч. Разгоряченные после подъема кони выдыхали в разреженный воздух клубы пара.

Военный советник Фарнир иль Кэрго окинул цепким взглядом снежные вершины и голые скалы. Край новой восточной границы расширившейся драконьей империи.

Даже не верилось, что позади — стоит только вернуться за очередную скалу, нависающую над тропой, — в лицо дул пряный ветер, а перед глазами раскидывались бескрайние долины в обрамлении изумрудных гор. А вместо царящей здесь тишины — шум водопадов и журчание ручьев, так напоминающие дом.

Королевства Моронов больше не существовало. Просто появилась еще одна новая провинция империи Арргонов. Король погиб под обвалом в горах при бегстве. Из всего семейства остался в живых только его малолетний сын. Пока трехлетний законный наследник трона не достигнет совершеннолетия и не докажет свою лояльность, управлять страной будет наместник драконов. Но независимость свою они потеряли навсегда.

Сами виноваты! По собственной глупости бросили алчные взгляды на земли драконов, настаивая на исторических правах Моронов. Вступление в Содружество Объединенных Королевств вскружило им головы, заставив забыть, что драконы никогда не отдают того, что считают

своим. Нападение стало фатальной ошибкой Моронов. На помощь им никто не пришел. Новообретенные союзники СОК не горели желанием ввязываться в войну, да и не были готовы к открытому противостоянию с драконами, а потому умыли руки, делая вид, что их это не касается.

— Думаю, прекрасное место для крепости, лаэр. Возможность контролировать перевал и отличный пункт для наблюдения. Только это спорные земли. Последние сто лет они то и дело переходили от Моронов к Зандании и обратно. Насколько помню, сейчас они принадлежат Зандании.

— Что-то никого здесь не видно, — иронично заметил Владыка.

Еще бы! Людишки свои крепости построили намного ниже, где климат мягче. На такой высоте только огонь драконьей крови не дает чувствовать холод.

— Напиши занданцам, что с этого дня граница переносится. Мы готовы заключить с ними мирный договор и заверить, что дальше не пойдём. А если они не согласятся, решим наш спор мечом и огнем.

— Слушаюсь, лаэр.

Владыка спрыгнул с коня и потянулся, раскинув руки, с наслаждением вдыхая морозный воздух.

— Пожалуй, я разомнусь, — произнес он, сбрасывая плащ и расстегивая одежду. Уже через несколько минут в небо взмыл черный дракон, теряясь в синеве.

Фарнир и сам был не против размять крылья, но способностью к невидимости, как Владыка, не обладал. Еще прилетит чем-нибудь со стороны Зандании, и будет незапланированное объявление войны.

Вздохнув и усмиряя своего внутреннего дракона, рвущегося за Владыкой в небо, советник поехал обратно верхом, мысленно составляя текст послания.

Ответ от короля Зандании пришел через три дня. Впрочем, раньше и не ждали. Король не примет решения без поддержки своего совета. Пока соберутся, гневно покричат... Смирятся.

А вот сам ответ удивил. Новые границы Зандания принимала. Кто бы сомневался! Наверняка хвосты поджали, когда ведомая драконами армия подступила к ним вплотную. А мирный договор предлагали скрепить браком с принцессой. Это успокоит народ и не вызовет возмущения новостью о смене границы. За принцессой в приданое давали шахты Аль-Тага, где добывали самоцветы, как раз на пограничной территории.

Прочитав условие, Фарнир замаялся и вопросительно посмотрел на Владыку, который разминался с мечами. Сталь мелькала со скоростью, неразличимой даже для драконьего глаза.

— Какую принцессу они предлагают? — только и спросил тот. Предложение брака было привычно. Многие государства мечтали заручиться поддержкой драконов, укрепив дружеские отношения.

Заглянув в свиток, Фарнир ответил:

— Младшую.

Что выглядело весьма странно. Имелись и другие незамужние принцессы, постарше.

— Что говорят наши шпионы?

Это на первый взгляд драконы живут обособленно и в человеческие дела без особой надобности не лезут. Даже поговорка среди людей ходит: «Не буди спящего дракона». Павшее королевство Моронов подтверждало ее правоту. Но многие короли удивились бы, узнав, сколько глаз и ушей в их дворцах служат драконам, умеющим щедро платить полновесным золотом за интересную информацию.

Фарнир открыл другой конверт, который доставили практически одновременно с первым. Пробежал глазами текст, и даже у него, привыкшего ко всему, округлились глаза:

— Король собрал провидцев, и они указали, что именно младшая принцесса является вашей истинной. Этим обусловлен их выбор невесты. Король потребовал от младшей принцессы, чтобы она прошла испытание на истинность драконьим огнем, как только ей исполнится восемнадцать.

Владыка со злостью вогнал мечи в землю, бросив презрительно:

— Людишки!

— Я не понимаю, ему не жаль собственную дочь?! А если оракулы ошиблись? Логичнее было бы дожидаться рождения наследника. Пусть это и не стопроцентная гарантия, но... — Фарнир осекся, поняв, что невольно напомнил о прошлом. К счастью, мысли Владыки были заняты другим, и он не обратил внимания.

— Не жаль. У него еще шесть дочерей. Его любимая супруга умерла, рожая ему младшую. Впрочем, это не помешало ему через полгода жениться вновь. Лишь вторая жена подарила ему драгоценных наследников.

Фарнир в который раз восхитился Владыкой, державшим в памяти все эти подробности. Анализируя услышанное, он не отметил возможности, что первую жену по-тихому устранили. Ведь в отличие от драконов, одинаково ценящих детей обоих полов, люди предпочтение отдают сыновьям. Слишком много дочерей подарила своему супругу первая королева, чтобы это не встревожило его сторонников.

Но почему король так жесток со своей дочерью?!

— Чего они добиваются? — Фарнир потрянул документами, словно желая отыскать ответ в бумагах.

— Выиграть время, — уверенно произнес Владыка. — Укрепят свои позиции, заручившись союзниками, а когда принцесса погибнет, начнут возмущаться, что мы первыми нарушили мирный договор и потребуют возврата границ и компенсации морального ущерба. В этом случае и СОК их поддержат, желая взять реванш после Моронов.

— А если она действительно истинная?

— Ты веришь кучке шарлатанов? Моронам тоже провидцы обещали победу в войне — и где они сейчас? Что-то мы ни одного не нашли, готового умереть за свои слова. Уверен, как только запахло жареным, самыми первыми сбежали в Занданию.

Владыка взял бумаги и пробежал по ним взглядом.

— Что им ответить? — спросил советник.

— Я согласен, — с холодным блеском в глазах произнес Владыка и добавил: — Кое-что в своем плане они не предусмотрели.

— Но как же?! Как в Зандании могут не знать, что у вас уже тридцать жен? По закону больше нельзя.

— Ты не совсем прав. И они знают количество моих жен, но напомнили об одном прецеденте. Я могу взять тридцать первую. Запасную. — Циничная улыбка искривила губы Владыки. — Король считает, что ничего не теряет. Принцесса или окажется моей истинной, подарив ребенка и превратив нас в вечных союзников, или умрет в моем огне, сделав меня виноватым в ее смерти и вечным должником. Но занданец допустил ошибку, не изучив всех нюансов, связанных с тридцать первой женой. Есть еще и третий вариант развития событий.

Фарнир нахмурился, пытаясь понять, о чем говорит Владыка, а потом вспомнил, по какой причине в закон внесли дополнение о запасной жене. И на лице советника появилась понимающая усмешка.

— Их король еще не знает, что сам выкопал себе яму!

Глава 1

Орса, столица Зандании. Дворец Магнуса I Элиссабет

— Ваше высочество, поспешите! Лакей его величества ждет вас.

Любимая кормилица, с детства называющая принцессу Лиссой, а чаще просто с нежностью «моя девочка», сейчас обращалась официально и говорила торжественно, не скрывая переполняющей ее радости. Дождались! Через столько лет король сменил гнев на милость и желает видеть дочь.

— Уже иду, Марита. — Принцесса мягко улыбнулась ей, стараясь выглядеть уверенной.

Бросила очередной взгляд в зеркало. Огладила ткань юбки, расправляя невидимые складки и незаметно вытирая при этом вспотевшие от волнения ладони. Она старалась держаться с достоинством, но в душе царило смятение.

Спустя долгие годы, когда даже последняя надежда на лучшее умерла — и вдруг это сообщение! Отец желает ее видеть! После шестнадцати лет полного игнорирования его приглашение стало громом среди ясного неба. Он отказался от дочери еще при рождении, когда, давая ей жизнь, умерла горячо любимая жена. Приказал унести и больше никогда не показывать ему младенца. С годами сердце короля не смягчилось, он не изменил своего решения. Других дочерей любил и баловал, а младшую вообще не желал видеть, стараясь забыть о ее существовании. Даже разговоры и любые упоминания о ней были под запретом.

Старшие сестры давно переехали из детского крыла, имели свои апартаменты, штат слуг, а в честь ее шестнадцатилетия даже не дали традиционный бал. Вопиющее нарушение традиций, но указать на это королю никто не осмелился.

Да что говорить, она даже на свадьбах старших сестер Самиры и Изольды не присутствовала! Хотя они-то как раз полностью поддерживали решение отца, считая, что именно рождение младшей лишило их матери. Другие сестры маму помнили уже плохо и не вымещали на Элиссабет обиду от ее потери. В детстве, правда, обижали, беря пример со старших сестер, но, повзрослев, поняли, что в этом нет ее вины, и смогли подружиться.

Элиссабет с грустью посмотрела на свое отражение. Эх, если бы знала, что этот день наступит, то подготовилась бы заранее. Перед своим шестнадцатым днем рождения она специально не ела сладости и вкусные медовые булочки, которые приносила с теплым молоком Марита на сон грядущий. Мечталось хоть немного похудеть перед предстоящим балом...

Тайком крошила потом мякоть птицам и успокаивала переживающую нянюшку, что все в порядке и ей просто

кажется, что воспитанница спала с лица и похудела. Но бал не случился, и Элиссабет принялась заедать обиду, отчего и без того немалый вес вернулся еще в большем объеме.

Самой было противно смотреть на свои пухлые щеки, второй подбородок и необъятную талию, которой даже корсет не мог придать стройности. К сожалению, сколько себя помнила, она всегда была пухленькой. Слуги жалели и постоянно подкармливали вкусеньким ставшую сиротой при живом отце младшую принцессу, словно желая хоть так возместить отсутствие его любви.

Единственное, что ей нравилось в себе, — это длинные белокурые волосы, как на портретах матери, которая считалась первой красавицей королевства. Еще, если приглядеться внимательно, то Элиссабет и цвет глаз достался от нее. Но только глаза покойной королевы называли прекрасными сапфирами Зандании, а вот глаз младшей принцессы за пухлыми щечками сразу и не рассмотреть. Так, синие пуговицы, а не драгоценные камни.

— Лисса! Это правда, что отец хочет тебя видеть? — в комнату ворвался ликующий Сайман. — Я знал! Знал, что он послушает меня и смягчится по отношению к тебе. А меня наказал просто для порядка, за нарушение его запрета упоминать твое имя.

Младший брат, любимец короля Зандании, радостно запрыгал вокруг сестры. Только он мог себе позволить напомнить отцу об опальной принцессе и отделаться всего лишь лишением сладкого на один оборот луны.

Он любил сестру всем сердцем и искренне не понимал, почему отец ее не любит, причем настолько, что даже звук имени приводит его в ярость. Ведь она такая хорошая и добрая! Всегда готова поиграть с ним, выслушать, успокоить, с детства читает сказки перед сном или рассказывает интересные истории из прочитанных книг.

Сайман привык засыпать под ее приятный, мелодичный голос. Когда его наставник попытался прекратить их вечерние встречи, ссылаясь на то, что он уже взрослый, то его высочество стал резко бледнеть и слабеть, страдая от бессонницы. Даже лекаря пришлось вызывать. Узнав, что

принц не в силах заснуть без привычной сказки сестры, и никого иного, кроме нее, видеть не желает, встречи с Лиссой негласно разрешили. Не доводя это до короля.

К младшему сыну предъявлялось гораздо меньше требований. Этого наследника растили отдельно от других детей и берегли, тщательно отбирая круг общения и наставников. Его воспитатели надеялись, что Сайман перерастет со временем эту привязанность. Но ему исполнилось уже семь лет, а отказываться от историй Лиссы перед сном он и не собирался.

По справедливости, и сестры неплохо к ней относились. Покидая детское крыло, они обещали навещать и обязательно поговорить о ней с отцом при удобном случае, рассказать, какая она замечательная, но быстро понимали, что это чревато неприятными последствиями и грозит вызвать гнев короля. А потом их затягивала круговерть взрослой жизни: балы, поклонники... и беспокойство о судьбе младшей сестры отходило на второй план, забывалось.

Элиссабет не обижалась. Она привыкла много читать, погружаясь в свои фантазии, где путешествовала, бороздила моря на корабле, даже открывала новые земли.

— Ты только меня не забывай! И приходи, когда переедешь в другое крыло, — жалобно попросил Сайман, вдруг поняв, что может лишиться ее общества.

При мысли, что затворничество может вот-вот прекратиться и она вступит во взрослую жизнь, сердце Элиссабет гулко забилося.

— Конечно! Как ты только мог подумать, что я о тебе забуду?! — с жаром произнесла она, вздохматив мягкие кудри брата.

— Ваше высочество, поторопитесь! — напомнила Марита.

— Да-да, иду. Не стоит заставлять его величество ждать.

Она и сама ждала этой встречи шестнадцать лет.

И потому волновалась ужасно. Думала, сердце выскочит из груди, когда впервые в жизни покинула детское крыло. Если остальных детей приглашали к отцу, когда у него было свободное время и желание увидеть отпры-

сков, то ее никогда. В такие дни она горько плакала, чувствуя свою ущербность, а слуги приносили что-нибудь сладкое, чтобы утешить. Ведь ее даже с днем рождения отец ни разу не поздравил. Пусть сам не хотел видеть, но и подарка ни разу не передал.

Сейчас же, спеша за лакеем через дворец, она чувствовала себя птицей, выпущенной из клетки на волю. За спиной вырастали крылья. Элиссабет начинала верить, что теперь все изменится.

Никто из встречных не обращал на нее внимания: в лицо младшую принцессу придворные не знали. Идя по открытой террасе, Элиссабет увидела вдалеке у фонтана одну из сестриц, старше на три года. Раина прогуливалась в компании молодежи, и Лисса посчитала это хорошим знаком, начиная верить, что скоро сможет присоединиться к ней.

И вот двери кабинета отца.

— Ее высочество, принцесса Элиссабет Анирэ Танир, — объявили о ее появлении.

— Пусть войдет.

На подгибающихся ногах она вошла в распахнутую дверь.

Почему-то ожидалось, что отец будет один, но в комнате, помимо мужчины за столом, стояли еще трое придворных. В смятении Элиссабет присела в положенном реверансе, склонив голову.

Принцесса чувствовала, как присутствующие ощупывают ее недоумевающими взглядами. Понимала, что сильно отличается от своих красивых и изящных сестер. В комнате повисла нехорошая, давящая тишина, нарушаемая лишь ее взволнованным дыханием, которое становилось все тяжелее и тяжелее. Лицо покраснело от напряжения, а пауза все затягивалась. Ноги дрожали от нагрузки. Спасением стал приказ отца подойти. Еще немного — и она бы позорно осела на пол.

С трудом разогнув колени, Элиссабет впилась взглядом в отца, которого видела лишь на портретах. В жизни он выглядел старше и полнее. В черной бороде с усами серебрились седые нити. Под глазами залегли мешки

и морщины, а под колючим, неприязненным взглядом захотелось поежиться.

— Вот, значит, ты какая.

Сказано таким тоном, что и глупец бы понял, что счастливого воссоединения семьи не будет. Она опять, как и при рождении, разочаровала его. Тем, что не мальчик, хотя лекари по всем косвенным признакам обещали наследника. Что своим рождением лишила жены. Что так отличается от изящных красавиц-сестер.

Она могла бы перечислять бесконечно. Сглотнув ком в горле, Элиссабет молчала, ожидая объяснения, зачем ее позвали, а еще больше страшась, что ее сейчас же прогонят прочь. Но она даже хотела этого, чтобы спрятаться от пристального внимания такого количества незнакомых людей. Идея запереться в своей комнате казалась все привлекательнее.

— Ваше величество, драконы посчитают это оскорблением, — заикнулся один из присутствующих.

— Проглотят, — возразил король, лицо которого неожиданно просветлело. — Что ж, тем лучше. Зато не жалко. Будет хоть какой-то толк.

И без перехода приказ:

— Призовите провидцев! Пусть объявят предсказание.

Элиссабет ничего не понимала, а потом отец ошарашил еще больше, объявив:

— Я вызвал тебя, чтобы сообщить, что ты выходишь замуж за Владыку драконов.

— Что?! — не сдержала принцесса потрясенного восклицания. Казалось, что она ослышалась или просто попала в одну из своих фантазий.

Да Элиссабет с детства зачитывалась книгами о драконах! А когда старшие сестры прислали в подарок несколько романов, где дракон похищает героиню, ощутив в ней свою единственную, увлечение ими обрело романтический окрас.

Стыдно сказать, сколько ночей она засыпала, представляя, как ее спасает из заточения дракон. Выходя на балкон и глядя в звездное небо, тайком мечтала, что откуда-то с высоты в ночной темноте на нее смотрит дра-

кон. Ведь они любят не за внешность и не за титулы. Ты можешь быть кем угодно, но станешь для него самой-самой, если он признает в тебе единственную.

И теперь именно она станет женой дракона? Да-а-а-а!!!

Будущее неожиданно засияло яркими красками. Ведь кроме нее есть старшие сестры, которые во сто крат краше и лучше. Отец не осмелился бы подsunуть Владыке самую некрасивую из дочерей, а значит... Сердце сладко замерло от мысли, что Владыка именно в ней ощутил свою единственную.

Теперь и непонятные слова отца: «Что ж, тем лучше», обретали смысл. Конечно, в иных обстоятельствах и при таких внешних данных она никогда не смогла бы сделать столь головокружительную партию.

— Ты слышишь меня? Подойди и подпиши брачный договор! — в розовый туман в голове вонзился раздраженный голос короля.

Спохватившись, Элиссабет быстро подошла к столу, на котором в распахнутой папке лежал уже составленный документ на гербовой бумаге. Она взяла перо, обмакнула в чернила, и старательно вывела свою подпись там, где любезно указал ей один из придворных.

— Когда тебе исполнится восемнадцать, ты пройдешь испытание драконьим огнем.

Конечно пройдет! Элиссабет и не думала протестовать. Ведь только после этого жена официально получает статус единственной и всеобщий почет, как же иначе.

— Поклянись, что сделаешь это, не испугаешься и не посрамишь свою страну! — потребовал отец.

— Клянусь! — с легким сердцем подтвердила она.

— Ивор, прими магическую клятву.

Король не успокоился, пока она не закрепила обет каплей крови. После этого аудиенция окончилась, а по возвращении комнату принцессы заполнили швеи, готовящие свадебный наряд.

Элиссабет смущало только одно: отец распорядился, чтобы ее красивые белокурые волосы, единственное украшение внешности, полностью спрятали под головным убором.